философия Германа Когена» — уже окончательно понял, что его жизненный путь должен быть иным, нежели путь строгого и отвлеченного философского умозрения; его мир — это мир поэзии.

Предлагая читателю рукопись «раннего» Пастернака, я хотела бы заметить, что в отличие от поэтических, философские конспекты Бориса Пастернака еще не разобраны. Их изучением сейчас занимаются на Западе преимущественно филологи (Э. Фрейбергер из Филадельфии, Л. С. Флейшман из Стэнфорда, С. Дорцвейлер из Марбурга), но работа здесь предстоит еще большая. В нее должны включиться и мы, советские философы.

Данная публикация — одна из первых; рукопись представляет собой часть большого философского реферата; продолжение будет, вероятно, предпринято в последующих выпусках «Историко-философского ежегодника». В рукописи мы попытались сохранить в большинстве случаев оригинальную пунктуацию автора. Публикацию подготовили С. Дорцвейлер (Марбург) и Т. Б. Длугач (Москва). Перевод с немецкого М. Ф. Быковой и Т. Б. Длугач.

Мы благодарим Е. Б. Пастернака за некоторые важные биографические разъяснения.

[1] *Пастернак Б. Л.* Охранная грамота. Шопен. М., 1989. С. 21.
[2] Там же. С. 23.
[3] Там же.
[4] *Лейбниц В. Г.* Избранные философские сочинения. М., 1908. С. 237.
[5] *Пастернак Б. Л.* Указ. соч. С. 45.

ИЗ НАСЛЕДИЯ «РАННЕГО» ПАСТЕРНАКА

[α]* Лишь вопрос о первоначале оправдывает понятие закона мышления как проблему. Для всей мыслительной сферы правомерна единственная постановка вопроса, которая позволяет понять логическую деятельность как закономерную и постоянную функцию и установить понятие закона мышления — это вопрос о первоначале чистого содержания. Это трансцендентальный вопрос, и соответственно ему трансцендентальная логика оказывается динамикой содержания, или функциональной теорией проблем и задач. Непрерывности, которая, начиная с нулевого пункта, гарантирует постоянство значений в форономии, т. е. в динамике бытия, соответствует в динамике мышления метод диалектики с присущим ей ничто в качестве первоначального значения нечто. Само это соответствие должно, скорее, истолковываться таким образом, что именно второе оказывается тем, что лежит в основе первого и выступает как его методическое содержание.

* Буквы α, β, γ и т. д. стоят в начале страниц рукописи. — *Примеч. пер.*

Недостаточно просто оценить глубокий трансцендентальный подход, задаваемый проблемой движения и вообще проблемой бесконечно малого; при этом было бы также поучительно подойти к анализу этого вопроса во всей его непосредственности. Движение, предположенное в виде эмпирической идеи, характеризуется [тем не менее]* высокой степенью чистоты и [β] рефлексивности. Даже когда движение понимается только как вещественное, то и тогда в его понятие вкладывается полнота чистых и систематических требований систематического мышления с его неизменным обоснованием [нрб.] бытия.

Таким образом оказывается, что понятие движения, мыслимое во всей своей обыденности и ненаучности, все же ведет к антиномии, т. е. к размыванию, исключению чисто логической задачи. И все же в высшей степени важно иметь в виду, что когда сталкиваются с непонятностью: *бытия*, «*нахождения его в одном месте*», «заполненности его содержанием» и т. д., которым *предшествуют* небытие этого бытия, не-находимость его в данном месте, незаполненность возникающим содержанием, — так вот, когда наталкиваются на эти нелепости и не только не отрицают необходимость бытия, но даже отбрасывают движение, то тем самым отрекаются от понятия, — жертвуют чистым безусловным понятием. Как раз исходя из этого, можно сказать, что понятие это является настолько необходимым и чистым, что содержащуюся внутри него мысль о бытии нельзя ни скрыть [затемнить — zu verdunklen], ни исказить. Движение есть предел чистоты; динамика превращается при этом в истинную инстанцию логической проблемы.

[γ] Положение в высшей степени своеобразное: необходимое [обязательное, нерушимое — unverletzbare] требование содержательности выступает как необходимое [требование] *содержания ничто* в процессе становления, процессе движения. Абстрактное требование закона — требование тождества, точнее, *формальное* требование звучит как затребованное *бытие* бытия.

[δ] Первым систематически важным [признаком] является то, что *антиномии* — если они не противоречия, т. е. не бессмыслица, а также не просто формы выражения, лишь по-иному упорядочивающие сформулированное в них содержание в виде тождества, — итак, истинные антиномии — динамичны. Важно, далее, то, что они оправдываются Критикой, т. е. трансцендентальной логикой. И мы увидим, что оправданность эта состоит в требовании трансцендентального закона мышления как закона динамических антиномий.

Динамическое множество отнюдь не является каким-то противоречием для мышления: это множество само есть то, посредством чего только и выражается мышление. Математические коллизии протекают внутри самого содержательного, внутри того, что

---

* В квадратные скобки заключены слова, добавленные переводчиками в целях пояснения текста. — *Примеч. пер.*

подчиняется тождеству, т. е. того, для чего само мышление не составляет проблемы. Но это и означает для нас двойственность динамических антиномий.

Здесь еще *мышление* и *содержание*, функция и ее значение выступают, скорее, как функция в единстве. И динамический закон истинной антиномии, который она постигает как первоисточник связей (т. е. как динамические множества)*, является законом непрерывности; но он должен быть законом мышления [нрб.], ибо это закон функциональной связи мышления и его значения (содержания). Поэтому он является также основой динамики, так как динамика это такое природное учение о содержаниях, которое рассматривает последние как содержания мышления или, по крайней мере, переносит эту имплицитную структуру на методическое понятие движения.

[δ—τ] В математической антиномии в одно представление объединяется противоречивое (последняя закономерность содержания и величина как понятие, заключенное внутри относительной содержательности), однако оба члена антиномии неверны. Однородность требуется не столько от специфического понятия величины, сколько, скорее, от имманентной точки зрения содержания, достаточно далекой от трансцендентального вопроса о первоначале. Противоположность динамической антиномии была бы ошибочной, поскольку она, основываясь на предубеждении об односторонности, вела бы к такой альтернативе.

Связь причины и следствия не требует никакой однородности. Для нас это может означать только то, что категориальное значение причинности должно быть осмыслено настолько глубоко, чтобы исследовать ее гетерогенность [различение — Verschiedenheit] в этой *неоднородности трансцендентального.* [δ—Σ] Но что же предстает здесь как неоднородное? И что такое в данном случае причина и следствие?

«*Отсутствие противоречия*» в антиномии это и есть «*континуальность*» антиномии. Она-то и удерживает ее единство в неоднородности, в нетождественности полюсов и их необходимо систематической принадлежности друг другу (конечно, не имеется в виду коррелятивное соответствие).

Она-то и является тем, что обусловливает одинаковую ценность идеи и категории в антиномии: идея становится чистой функцией того, что в качестве категории составляет содержание в его единичном значении.

Качество**, будучи методическим понятием, имеет свое основание не в категории, т. е. не в чистом единстве содержания, как это происходило с количеством и отношением, а основывается на законе *созидания содержательного единства.* Это позволяет утверждать, что качество означает *качество мышления.* Единства качества

* В круглые скобки заключены выражения по тексту рукописи. — *Примеч. пер.*

** Наверху этой (8) страницы рукописи рукой Г. Когена или, может быть, Н. Гартмана написано: «Только качество является чистой трансцендентальной мыслью». — *Примеч. пер.*

предмета образуют категории качества в мышлении, т. е. законы качества мышления, и, стало быть, законы качества содержатся только в мышлении. Если же мы предпримем анализ математического качества, то найдем здесь непрерывный ряд значений, т. е. количественных определений, чья содержательность, иначе — количественное состояние, характеризуется движением. Количество, заданное движением, — вот что является смыслом качественного. Но этот момент движения несет с собой целостную антиномию созданного содержания — динамическую антиномию. И, действительно, нет ли противоречия в содержании?

Изменчивая величина, возникающее содержание, возникающее количество — и тут же чистое количество со всем присущим ему составом бытия. Как это все друг с другом рифмуется? — Именно рифма оказывается единством качества, и только трансцендентальному положению вещей свойственна такая рифма [соответствие — Reim].

Но куда же мы поместим бытие, которое утверждается в содержательном значении и которое как движущееся, насколько мы понимаем, должно быть принципиально изменчивым, должно, следовательно, «протаскивать» [«проводить» — ziehen] нулевое значение, момент первоначала через все стадии, оставаясь неделимым и логичным?

Налицо альтернатива: либо мы оспариваем у содержания утверждаемое им значение бытия, либо мы настаиваем на этом, гарантируя бытию мысленную «защиту» [«прикрытие» — Deckung] с помощью содержания и толкуя при этом последнее несколько шире и систематичнее.

Количество, тождество содержания как значение бытия, как образцовое нечто должно тем не менее остаться парадигмой содержания, ибо иного, чем это пифагорейское толкование [содержания], мы не знаем; содержание позволяет указать на бытие со всеми его понятийными интенциями.

Итак, значение должно остаться образцом содержания как количество. Но все же имелись и такие значения, которые в их постоянных изменениях, казалось, угрожали бытию количества. Продолжаем ли мы основывать свои надежды на количественных значениях как на образцах содержания бытия? — Мы видели, что по-другому это невозможно и осуществляется благодаря трансцендентальному пониманию, т. е. [признанию] способности мышления мыслить проблемно.

Давайте внимательно рассмотрим ряд значений. Не указали ли мы как раз благодаря постоянству значений на то, что *принципиально важное значение первоначала* сопровождает весь этот ряд, выступая именно в качестве содержательного момента, который-то и формирует данное [нрб.] содержание? И он, этот содержательный момент, может быть использован как содержательная парадигма бытия для нашего понимания того, что мы прежде хотели назвать качеством. Это сопровождающее весь ряд, постоянно сохраняющее и утверждающее себя значение есть значение первоначала, нулевое значение переменных величин. Оперирование [нрб.] с ничто — это

тот исходный пункт, к которому постоянно возвращаются в процессе обоснования всякого качественного *содержания*. И уже на основе испытанного таким образом содержания мы постигаем единство бытия.

Тогда то, что оказывается несравненно более важным, что́ образует уникальность лейбницевской философии, суть перцепции — некие биологические характеры, делающие возможным перенос психологического понятия на динамическое обозначение реальности — на динамическое обозначение, которое в качестве определения реальности уже в единстве функции может снова привести к метафизическому принципу.

При таком расширении спекуляции на реальность психологический перенос допустим, поскольку он оставляет за нами право восхождения от перцепции к единству апперцепции.

В качестве апперцепции Бог является истинным Богом. Единая же и единственная универсальная реальность полагается в нем как содержание. В силу того, что Бог обладает совершенной апперцепцией, он не нуждается ни в каком восхождении от перцепций, а поскольку ему не требуется никакое восхождение (А.), он не нуждается ни в каких перцепциях. Но тем не менее он — Бог перцепций. Это означает психические, феноменальные моменты реальности, которые рассеяны, как миры монад и их действительности, иными словами, как то, что в качестве восприятий (с точки зрения) монад представляет собой закономерность . . . [нрб.].

Величина, фигура, и движение . . . и нечто воображаемое . . . и *эти* виды качества не могут конституировать никакую субстанцию. Если бы существовал только этот принцип, то [налицо было бы] лишь одно мгновенное состояние вещи. Но не получает ли постоянно изменяющееся во времени восприятие вещи такое постоянное подтверждение? — Нет, ибо, как сказали бы мы, это чисто феноменальная, спонтанная смена впечатлений. Будет ли достаточным методически сформулировать реальность уже в законе — и именно реальность для состояния, которому не противоречила бы смена явлений [нрб.]? Тогда мы не нуждались бы в установлении субстанциальной формы и не могли бы говорить о мгновенности состояний. Однако феномен реален как перцепция; и Лейбниц хочет метафизически [узаконить — нрб.] реальность в бесконечно малой реальности времени — в моменте, так как этому не-экстенсивно способствует афантасматически-динамическое единство благодаря обращению к понятию силы, необходимому для метода. При этом, однако, реальность в качестве бытия должна пониматься как особое состояние, которое на этом метафизическом уровне не может сводиться только к физической данности. Эта его особенность вытекает из особого состояния закона как закона мышления, но поскольку последний сам должен применяться содержательно, т. е. как свойство [Charakter] действительности, субстанции, то логическое превращается в психическое, закон в Я [нрб.]*.

---

* Другой рукой в конце рукописи написано: «После этого пустые страницы». — *Примеч. пер.*